

БІБЛІЯТЭКА САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ

БИБЛИОТЕКА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

Фёдор ГУРИНОВИЧ

РОДНОЕ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2016

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел-Рус)6-44
Г95

Предисловие
Алеся Мартиновича

Гуринович, Ф. Ф.
Г95 Родное / Фёдор Гуринович ; предисл. А. Мартиновича. — Минск : «Четыре четверти», 2016. — 552 с. — (Библиотека Союза писателей Беларуси).

ISBN 978-985-581-012-5.

В этой книге с таким удивительным названием «Родное» — биографическая поэма известного белорусского писателя Фёдора Гуриновича на двух языках — русском («Год — как жизнь, жизнь — как год») и авторский перевод ее на белорусский («Роднасць»). Жанр ее можно определить как поэму-странствование, поэму-судьбу, поэму-календарь и даже как поэму-охоту.

Светлые воспоминания о детстве, молодости, любви, детях, внуках, друзьях, трогательно-чувственные пейзажные рисунки часто рождались в полях, лесах, у охотничьих костров.

Перевод поэмы на родной язык можно назвать условным. По сути, это новое произведение, на страницах которого отображены картины деревенского быта 50–70-х годов минувшего столетия, поэтизируется тяжелый крестьянский труд. Щемяще звучат в ней строки об Отчизне и малой родине, куда все чаще из далеких краев возвращаются оставившие ее люди. При этом автор поднимает и ряд острых проблем современности.

Рассчитана на широкий круг читателей, в особенности на молодое поколение, для которого книга может послужить «учебником жизни».

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бел-Рус)6-44

ISBN 978-985-581-012-5 © Гуринович Ф. Ф., 2016
© Мартинович А. А., предисловие, 2016
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2016

РАДУГА НАД ЗИМНИМ ЛЕСОМ

Иногда приятно освежить в памяти подзабытое. Нередко это происходит случайно. Со мной же недавно как раз такое произошло. Чем больше вчитывался в поэму Фёдора Гуриновича «Год — как жизнь, жизнь — как год», тем чаще ловил себя на мысли, что с чем-то подобным встречаться уже приходилось. Только где? У какого писателя? Поначалу и вспомнить не мог. Но напряг память и вздохнул с облегчением. Конечно же, произведение Фёдора Гуриновича внутренне перекликается с известными «Порами года» Кристионаса Донелайтиса. С той только разницей, что известный литовский поэт в своей поэме правдиво отразил труд, быт, народные обычаи, прекрасную природу Литвы, а Ф. Гуринович с не меньшим поэтическим мастерством рассказал о том, чем живут белорусы. Во всяком случае жители деревни Кривичи, откуда писатель родом.

Однако я не берусь утверждать, что автор поэмы «Год — как жизнь, жизнь — как год», взявшись за перо, помнил «Поры года» К. Донелайтиса. Могу допустить, что с поэмой своего

литовского предшественника он вовсе не знаком. Но внутренняя связь между этими двумя произведениями все же присутствует, ибо в обоих из них незримой нитью проходит любовь к отчему краю, к земле детства. И это лишнее подтверждает правильность той мысли, что истинный поэт, неизменно оставаясь самим собой, не может находиться в изолированном пространстве. В пространстве временном в том числе. Он живет и пишет в какой-то степени не только за себя, но и за других, тех, кто испытывает похожие чувства.

Поэма Фёдора Гуриновича — тому хороший и убедительный пример. Написанная в традиционной манере — той самой, которая, как известно, еще называется классической, она сегодня, когда все больше находится желающих утверждать, что традиционная литература устарела, живительным бальзамом ложится на сердце истинных почитателей поэзии. Все остальное, что нынче подделывается под нее, не что иное, как, с одной стороны, стремление авторов как-то нивелировать убогость своего таланта, а с другой (это касается критики, поддерживающей подобное творчество) — хотя бы чем-то обратить на себя внимание. По принципу: и в мутной воде иногда можно поймать карася. Глядишь — и будешь замечен. Да бог с ними, всеми этими экспериментаторами, и теми, кто их поддерживает. Читателю по-прежнему ближе (к счастью!) поэзия, позволяющая ощутить жизнь во всем ее многообразии, прикасаясь к знакомым реалиям, продолжить удивляться, как много на земле прекрасного, притом, в самом обычном, знакомом тебе.

Бывают же на свете чудеса!
Сияли елки весело в квадратах
Оконных рам; звенели голоса
И гром хлопнушек воздух сотрясал,
И первый снег пошел за полчаса
До боя новогоднего курантов.

Так начинается поэма Ф. Гуриновича. Читая ее, мы еще много и много раз будем видеть эти чудеса в большом и малом, в знакомом и непривычном, в обыденном и возвышенном. Ибо «Год — как жизнь, жизнь — как год» написана так, что нельзя не восхищаться тем, что автор, казалось бы, знакомый «материал» подал неожиданно, ново. Впрочем, для этого одного таланта мало, ко всему, нужно еще, чтобы и читатель имел душевную потребность соприкоснуться с прекрасным.

Не сомневаюсь, что у Ф. Гуриновича — именно такой читатель, который всегда с радостью откладывает в сторону газету или журнал, выключает телевизор и радиоприёмник, когда есть возможность прочитать новую книгу поэзии. Впрочем, это даже не просто книга. Книгой было первое издание поэмы, вышедшее в 2007 году. Новое же не только дополнено и доработано автором, но и чудесно оформлено, а также исполнено на высоком полиграфическом уровне. Получился своего рода альбом, в котором иллюстрации Владимира Трухана, помещенные в начале каждого раздела, не просто дополняют его, а словно представляют собой некую композиционную целостность.

Двенадцать месяцев — своего рода двенадцать мини-поэм. Каждая иллюстрация создает определенное настроение, приглашая сначала восхититься впечатляющей картинкой, отображающей особенности того или иного месяца, а потом

уже перейти к тексту. Замысел произведения («*вдруг в душе проклюнулась поэма*») родился не в обычную новогоднюю ночь, а в ту, когда происходил переход *«и в новое столетье»*.

У Ф. Гуриновича появилась возможность, осмысливая определенный отрезок собственной жизни, в чем-то подвести черту и под прошедшим столетием. Однако все, даже наиболее важное и существенное, произошедшее в нем, поэт, конечно, охватить не пытался, хотя, при желании, наверное, мог бы ввести в канву произведения то, что стало судьбоносным для всей страны, для белорусского народа. Перед ним, как видно из содержания, стояла другая задача: через собственную судьбу осмыслить и жизнь всего послевоенного поколения, а это те, кто родился в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого столетия. Но, безусловно, на фоне тех жизненных реалий, с которыми оно соприкасалось. А еще в поэме, что также примечательно, правдиво отражена жизнь деревни до той поры, пока иждивенческое отношение к земле не привело к ее деградации, а человек-труженик превратился в человека-потребителя. Хотя нельзя не отметить и иное: на первом плане все же жизнь самого лирического героя, его детство и юность, которые прошли в деревне, уже в названии которой чувствуются истинно белорусские корни — Кривичи.

«Год — как жизнь, жизнь — как год», ко всему, и своеобразный «быт» души, когда от взгляда поэта ничто не утаится, связанное с традиционным деревенским укладом — от крестьянской работы до домашних дел и отдыха. Обо всем этом рассказывается настолько искренне и правдиво, что, не сомневаюсь, читатели, родившиеся на селе, узна-

ют много близкого и знакомого. В одном только им не потягаться с автором поэмы: в его любви к охоте и знанию ее секретов. Те страницы, где поэт рассказывает о своем увлечении, пришедшем к нему с малых лет, пронизаны особым лиризмом. Они свежи, как пороша, на которую еще не успела ступить нога человека, и чисты, как воздух, настоящий на запахах леса и пашни.

Иначе и быть не может: настоящая «поэзия — когда болит душа», а душа Ф. Гуриновича болит за все. Правда, резонно появление вопроса: как же быть тогда с охотой, если она оканчивается, как правило, убийством зверя или птицы. На этот вопрос ответил сам автор, рассказав о том, как некогда отец преподавал ему настоящий урок нравственности, убедив, что и на охоте неизменным должно оставаться правило: «Не навреди». Произошло это тогда, когда начинающий охотник весной нечаянно сбил утку: *«Иди сюда, сынок! — // Позвал отец и протянул мне утку. — // Бери свою добычу да изволь // Ее освежевать; вот ножик, ну-тка!»*. Когда разрезал он птицу, то...

— Смотри, вот видишь — это все утята. —

И на желтки рукою указал.

Стоял я, будто на кресте распятый,

И прятал от родителя глаза.

Желтки лежали золотой цепочкой —

Десяток ровно, хоть ты зареви.

Я не стреляю самок, это точно...

Поэма Федора Гуриновича блещет яркими метафорами и неожиданными сравнениями. В этом отношении его поэтическое мастерство очень высоко, что само по себе заслуживает восхищения. Те или иные тропы — не просто плод автор-

ской фантазии, пусть и щедрой, а умение видеть окружающую жизнь в образах. Точные, но вместе с тем и неординарные сравнения подсказывают ему жизненные наблюдения. А это ведет к появлению образов, которых у других поэтов не встретишь, ибо они не затасканные, не повторенные уже знакомого, пусть и в несколько другом варианте, а плод собственного творчества. Поэтому и такие впечатляющие.

Хотя бы такой пример — свежевание убитого хряка.

Как белый флаг распластанное сало
Уверенно испытанным ножом
Кроил отец; и сало попадало
Под град из крупной соли.

Вообще, Ф. Гуринович достигает особого успеха, рассказывая об охоте, а еще тогда, когда возобновляет в памяти незабываемые картины детства, связанные со всем тем, чем еще недавно жила патриархальная белорусская деревня. Тогда даже обычное занятие превращалось в настоящий праздник. Как, к примеру, выпечка хлеба.

О, этот ноздреватый мамин хлеб!
В деже, себе облюбовавшей место
У теплой печки, бунтовало тесто.
Ему там было и темно, и тесно,
Как птице, что попала ночью в склеп
И бьется в стены каменные слепо.

А кто из родившихся в деревне не помнит, как по весне собирали березовый сок: *«Ведерок двадцать в бочку — чтоб закис. // А с ячменем-то да с воцциной если! // Какие «колы» там, какие «пепси». // Березовик — вот это сок! — как песня, // В которой и мелодия, и смысл».*

Подобных примеров, когда слово слушается Ф. Гуриновича, как скрипка мастера-виртуоза, можно привести немало.

Начавшись разделом «Январь» (не считая «Вступления»), поэма постепенно переходит к своему логическому завершению. Уже и декабрь настал, чтобы через некоторое время опять уступить место январю. И снова зима, но... *«И вдруг — не чудо разве ж? — погляди, // Как засияла радуга над лесом»*. Как этим не восхититься, а восхищаясь, как не попытаться точнее передать всю эту божественную красоту?! Что поэт и делает, когда пишет строки, исходящие из души:

В лучах, почти весенних — смелых, ярких,
Снежинкам золотым теряя счет,
Божественною триумфальной аркой
Над грешным миром радуга цветет.
Редчайшая, тройная! Посмотрите! —
Хоть раз такое видели, друзья?
И для меня поистине открытье
Явление это дивное; в нем я
Увидел явь, наполненную смыслом...

Эта явь такова: *«Упершись в величавые снега, // Качается широким коромыслом // Тройная чудо-радуга-дуга»*, вытаскивает из глубины памяти народное поверье, *«что будет тот счастливым весь свой век, // Кто это чудо зимнее увидит»*. Образ радуги над зимним заснеженным лесом обретает глубокий смысл. Поэма, начавшись светло, воистину поэтически, заканчивается на такой же чистой и оптимистической ноте. Поэтому и на душе после прочтения ее точно так же светло и чисто. Радуешься за Ф. Гуриновича, что к нему пришла такая творческая удача. Впрочем,

и не могла не прийти, поскольку помимо поэтического таланта он обладает и другим, не менее значимым: глубоко чувствовать и любить природу, которая во все времена была частью человека, а человек, впитавший в себя всю ее красоту, не может не быть духовно богатым.

*Алесь Мартинович,
лауреат Государственной премии
Республики Беларусь*

ГОД –
КАК ЖИЗНЬ,
ЖИЗНЬ –
КАК ГОД

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

...**Б**ывают же на свете чудеса!
Сияли елки весело в квадратах
Оконных рам; звенели голоса
И гром хлопущек воздух сотрясал,
И первый снег пошел за полчаса
До боя новогоднего курантов.
А до него на город наш хотя б
Одна упала с облака снежинка.
Свою несостоятельность декабрь
В каких-то неестественных ужимках
Пытался оправдать, да был лишен
Природою самой такого дара.
Но Дед Мороз лишь посохом ударил —
И снег пошел, поистине пошел!
Сказать вернее будет: по-ва-лил!
Как будто бы строительные базы
Весь годовой запас сухих белил
С ночного неба высыпали разом.
В подсветке электрической стена
Сплошного снега встала вертикально.
Как будто государство Ватикана,
Огородила дворик наш она.
Под шляпой керамической фонарь
В снежинки был закутан, словно кокон.

Одни из них касались теплых окон,
И был тогда плачевным их финал.
Другие обтекали фонари
И толстым слоем укрепляли рамы.
Они старались поглазеть упрямо
В окно, узнать хотели: что внутри?
А там светилась елка в конфетти,
Во всю длину был стол раздвинут в зале.
И не хотелось никуда идти,
Хотя друзья к себе на праздник звали.
На кухне было жарко. И жена,
Гордясь столом, закуски подавала.
Вспотевшая — как будто из подвала —
Была бутылка в центр водружена
С шампанским. Но на маковке ее
Еще фольга поблескивала тускло,
Пока не начал Президент искусно
Оправдывать правление свое.
Еще «уздечка» не была снята
С бутылки, страстно жаждущей бокалов,
А о себе дремотой знать давала
Приятная, но все же суета.
И с властной сонливостью борясь,
Я на диване приютился ловко.
Но, черт возьми, бывает только раз —
Лишь раз в году! — такая сервировка.
На блюде самом значимом, отменный,
По горло гречкой удовлетворен,
Поджаристым бочком желтел гуменник*.
Я на охоте не ловил ворон —
Добыл его на поле кукурузном
Из-за канавы в зарослях кустов.

---

* Гуменник – один из видов диких гусей.

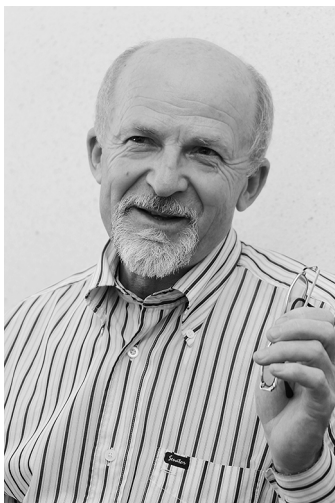
И вот теперь с набитым туго пузом
Он украшает новогодний стол.
Я полз к гусям, как из-под ног внезапно
Вскочил косою. Сказать имею честь,
Он растянулся, словно после залпа.
Был верен выстрел. И свидетель есть.
Трофей был суховатым отчего-то,
И шпик вонзить в него была нужда.
Еще со дня открытия охоты
Он вместе с нами этот праздник ждал.
Да, кстати, вы не пробовали зайца?
О, каждый гость весьма б им был польщен!
Как друг писал: *«А мне достались яйца,
Но где бы я увидел их еще?»**
Хоть, правда, нам в рецептах кулинарных
Всех не удалось тонкостей постичь,
Но был жене за то я благодарен,
Что на столе присутствовала дичь.
Лазанья, семга, студень, ветчина,
Прозрачная насквозь, — как под рентгеном.
Вот если б снедь ту в бочку Диогену! —
Наверно, обалдел бы старина.
На бутербродах — красная икра,
Как будто переспевшая брусника..
Ша, поздравленье началось! — и с шиком
Откупорить шампанское пора.
Ох и взлетела пробка к потолку!
Бокал раздулся, усмиряя пену.
В одну сошлись две стрелки постепенно.
И первое лицо сошло со сцены.
И снова юмористы «мак толкут».
Ну, сколько ж можно старое острить

---

* Поэт Николай Хитров.

И повторять заученные мины?
И, выдохнув спрессованную прыть,
Шампанское в стекле желтело смирно.
На масле блекли бусинки икры,
И меркла семга в радужной полуде.
И оставался как-то вне игры
И таял невостребованный студень.
Пошли звонки — один, другой за ним:
Здоровья, счастья, радости! — чин чином.
Но кто-то из друзей не позвонил.
Обиделся, а может, что случилось?
Набрать бы номер, справиться, спросить.
Но были веки — будто из железа,
И не было со сном бороться сил.
Не позвонил вот, и теперь жалею!
Жена свершила кремовый «намаз»
И в шкаф сложила праздничное платье.
И стало грустно, что опять без нас
Встречают дети Новый год и братья.

А за окном, как майские жуки,
Жужжали разноцветные ракеты.
И все в огнях, морозу вопреки,
В бездонном небе полыхало лето.
И фейерверки ухали все чаще,
Как будто в день Победы над Москвой.
И сыпал снег. Он был ненастоящий —
Какой-то бутафорский, колдовской!
Снежки кидали взрослые, как дети.
А он порхал и шансы всем давал,
Переходя из декабря в январь
И в новый год. И в новое столетье!
Им очищался каждый человек —
Хоть старожил почтенный, хоть пацан ты.

ГУРИНОВИЧ Фёдор Фёдорович

Родился в 1950 году в деревне Кривичи на Солигорщине, в крестьянской семье.

Десятилетка, Солигорский горно-химический техникум (сейчас Солигорский государственный горно-химический колледж), армия.

Плотник и секретарь комсомольской организации строительного управления, слесарь-сборщик Минского электротехнического завода, художник-оформитель второго рудника «Беларуськалия», корреспондент районной газеты «Шахтер», директор Солигорского краеведческого музея — его трудовые университеты.

Первые стихи были напечатаны в газете «Балтийский луч» в городе Ломоносове Ленинградской области, где проходил срочную службу. В Беларуси первую поэтическую подборку Фёдора Гуриновича опубликовала газета «Знамя юно-

сти», а первая книга «Хлеб и соль» увидела свет в 1980 году. Теплые слова в адрес начинающего поэта в то время высказали Пимен Панченко, Анатолий Велюгин, Рыгор Бородулин, Вера Верба, Николай Федюкович, Евгений Крупенько, Леонид Ширин и другие поэты.

В 1981 году заочно окончил Белорусский государственный университет (факультет журналистики). Почти 30 лет — до выхода на пенсию — работал в шахтерской газете «Калийщик Солигорска»: сначала корреспондентом, а потом и редактором.

Автор более двух десятков книг поэзии и прозы, как для взрослых, так и для юных читателей. За книгу для детей «Птушыная азбука» был удостоен Литературной премии имени Янки Мавра; дипломом Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2010 года» отмечена книга избранных произведений «Застаецца вера».

Активно выступает в школах, библиотеках, дошкольных учреждениях Солигорска и Солигорского района, пропагандируя среди детей и молодежи любовь к родному краю, природе, шахтерской профессии.

Награжден дважды Почетными грамотами Союза писателей Беларуси, Почетными грамотами Министерства информации Республики Беларусь, Белорусского государственного концерна по нефти и химии, Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, многочисленными грамотами «Беларуськалия», юбилейными медалями «За воинскую доблесть», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Заслуженный ветеран ОАО «Беларуськалий».

От автора

За участие в выпуске книги выражаю искреннюю признательность Генеральному директору открытого акционерного общества «Беларуськалий» Ивану Ивановичу Головатому и всему руководимому им коллективу.

Горжусь, что в дружном, уважаемом во всем мире коллективе трудился более 30 лет. Работая в шахтерской газете, довольно часто бывал в горняцкой среде, и не понаслышке знаю, что солигорские шахтеры — люди мужественные и в то же время щедрые, добрые и открытые. Меня они вдохновляли на написание не только очерков и зарисовок в газету, но и стихотворных строчек, и даже поэм.

Желаю родному предприятию новых — и трудовых, и творческих успехов, а горнякам — надежной кровли над головами, неисчерпаемой энергии, стабильности, уверенности в завтрашнем дне.

*Фёдор Гуринович,
заслуженный ветеран
ОАО «Беларуськалий»*

От издательства

Нельзя не оценить поддержку этого издания «Беларуськалием» в наше непростое время. Поэма известного белорусского писателя, в которой он, словно художник кистью, широкими мазками нарисовал картины деревенского быта 50–70-х годов XX века, дает уникальную возможность его сверстникам вернуться в прошлое, а молодым людям — прочесть как познавательный «учебник жизни».

*Большая честь для издательства — отправлять
«в народ» книгу настоящего Мастера, чтоб, говоря
словами классика,*

*«...мысль раздвинула границы...
И унеслась, взмахнув крылом, в простор,
Где с будущим прошедшее заводит
Торжественный и вещей разговор».*

*Коллектив издательства присоединяется к словам
благодарности, высказанным Фёдором Гуриновичем в
адрес своего родного предприятия. Мы также благо-
дарим Анатолия Владимировича Махлая, поддержав-
шего саму идею подготовки и выпуска книги в серии
«Библиотека Союза писателей Беларуси».*

*Лилиана Аницух,
директор и главный редактор
издательства «Четыре четверти»*

СОДЕРЖАНИЕ

Радуга над зимним лесом (<i>А. Мартинович</i>) . . .	3
Год — как жизнь, жизнь — как год	11
Роднасць	215
<i>Об авторе</i>	547